

Анна Чеченкова

Потерявшаяся Таня

0+

Анна Александровна Чеченкова

Потерявшаяся Таня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583478

SelfPub; 2021

Аннотация

Когда-то московское метро для юной Тани было местом встреч и свиданий. Местом, где звучал ее аккордеон. Но затем она заблудилась в цветных ветвях и направлениях, и подземный город стал для нее тюрьмой. А освобождения пришлось ждать тридцать лет.

Анна Чеченкова

Потерявшаяся Таня

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Сокольники». Уважаемые пассажиры, при выходе из поезда не забывайте свои личные вещи», – объявление прозвучало на весь вагон, но обратила на него внимание только она. Это было первое, что вывело ее из мыслей за последние несколько минут, пока она проходила через турникет, спускалась на эскалаторе, ждала поезд. Все это время она глядела на свои уже знатно потрепанные красные босоножки и думала только о том, как бы поскорее оказаться в номере отеля.

«Ее всю трясет... Таня, Танечка! С тобой все в порядке?» – тонкий голос из прошлого пробивался в ее сознание. Нельзя было позволить вырваться старым страхам наружу. Теперь все иначе. Теперь все будет не так.

Она была уже не девочка. Далекое не девочка. Хотя по внешним данным и не скажешь, что у нее есть взрослая дочь, благодаря которой она здесь и оказалась. Неконкретно в метро. В Москве. Ее глаза нисколько не потускнели с того времени, когда она была здесь в юности, только лет прибавилось, да лишние килограммы. Сама она, конечно, как и любая уважающая себя девушка, сказала бы, глядя в зеркало, примерно следующее: «Как же я постарела! И морщины кругом. Пора бы записаться к косметологу. А какие хрупкие и

редкие волосы! Если бы не уход и краска, уже были бы полностью седыми. Грудь висит, как и кожа на руках... Да вся красота ушла вместе с молодостью». Но это только наедине с самой собой. Окружающие же всегда видели в ней лишь успешную женщину, которая «несла» себя так, что, щелкни она пальцем или кинь украдкой взгляд зеленых глаз, как любой мужчина упал бы к ее ногам. Хотя все это ей уже давно не нужно. Но знать, что ей все еще подвластен этот женский шарм, греет сердце.

Тяжело вздохнув, она подняла глаза, чтобы посмотреть на свой маршрут. Много лет назад, когда еще студенткой ездила на московском метро, она всегда путалась в ветках и направлениях. Вечно садилась не на той стороне, пропускала свои остановки. Как-то раз, возвращаясь с танцев, ее ухажер, тот еще «первый парень в институте», затеял с ней игру, в которой она заведомо со своим «топографическим кретинизмом» была проигравшей.

– Тань, а давай ты меня поцелуешь? – с ехидной улыбкой, сводившей всех девушек на курсе с ума, спросил он и перекрыл ей дорогу.

– А давай ты закатаешь губу, Гирзанов, – она сказала это довольно командным тоном, но легкая улыбка все равно скользнула на ее губах.

– Ну, Тань! А если я этот поцелуй выиграю?

Она закатила глаза, привстала на носочки и, схватив его гладко выбритое лицо, легко поцеловала в щеку. Затем боль-

шим пальцем вытерла след от вишневой помады.

– С тебя достаточно! – задрал гордо голову, она чуть махнула своей юбкой, словно лиса хвостом, и обошла его, точно зная, что он пойдет следом.

– Так дело точно не пойдет, – услышала она его голос чуть позади, а затем почувствовала, как он схватил ее за талию и резко развернул к себе лицом, – дразнишь, а потом оставляешь ни с чем? Я выиграю этот поцелуй.

Ее щеки чуть покраснели от чрезмерной близости с ним, и она поспешила оттолкнуть парня от себя, но сделала это так, чтобы этот жест не выглядел как однозначный отказ.

– И как же?

Он огляделся, будто бы искал ответ в колоннах и указателях метрополитена. Затем она проследила за его взглядом, который почему-то перевелся с ее оголенных плеч на пути, и невольно испугалась, что этот непутевый может задумать что-то опасное. Все-таки он всегда любил показывать, какой он крутой. Но его затея оказалась довольно безобидной, хотя не сулила ничего хорошего ей самой.

– Я вернусь на танцы, заберу твою накидку, что ты оставила, и приеду на «Нагорную» ровно через 2 поезда после твоего.

Он выглядел таким довольным своей задумкой, что она не смогла отказать. Только посмеялась, назвав дураком, и проследила, как он помчался прочь к выходу. И только когда его силуэт скрылся из виду, веселье медленно отступило на зад-

ний план.

«Нагорная» – это станция недалеко от дома ее подруги, у которой она временно гостила, пока в общежитии делали внеплановый ремонт. Она добиралась до нее несколько раз, правда, всегда с ней кто-то был, но сейчас из-за дурацкой игры она осталась одна посреди запутанного и непонятного для нее московского метрополитена.

Она ненавидела этого мерзавца за то, что он оставил ее. Ведь она бы и так его поцеловала, только на прощание. И не надо было ничего выигрывать!

Веселье началось, когда она села не в ту сторону, но поняла это только через две остановки. Вышла. Пересела. Доехала до «Проспекта мира». Спросила дорогу. Оказалось, женщина была тоже приезжая и перепутала направления. В конечном итоге она добралась до станции на серой ветке, вот только намного позже назначенного времени. Ее победитель сидел прямо на полу с накидкой в руках, когда она подошла к нему и, чуть не разревевшись, упала ему в объятия.

Поцелуя Гирзанов, правда, так и не дождался в тот вечер. И не только потому что она была на него жутко зла, оказалось, он сжульничал: накидка была в его сумке все это время, и никуда он за ней не бегал.

Эти воспоминания помогли ей немного отвлечься от своих переживаний. Все-таки и что-то нежное, трепетное, теплое есть в ее воспоминаниях, связанных с метро. Она унеслась в прошлое и даже не заметила, что чуть не проехала

свою станцию.

Метро теперь было больше, сложнее, но она щелкала его как детские задачки по математике. Теперь все эти цветные ветки, причудливые круги, десятки станций и пересадки казались ей чем-то элементарным. Наверное, она стала умнее, добавилось жизненного опыта, поэтому теперь эта схема метрополитена ее не пугала. И хоть она не так часто бывала в столице, ее подземный город был ей хорошо знаком. Да и дочка закачала приложение, которое буквально озвучивает каждый шаг.

«У нее глаза бешеные! Таня, прости, пожалуйста. Таня, возьми мои руки», – вновь этот тихий, но до боли знакомый голос в голове. Невольно она коснулась ладонями своих плеч и ужаснулась – такие холодные.

Она не могла себе позволить даже допустить мысль о том, что что-то подобное повторится вновь. Ей не девятнадцать лет. У нее у самой есть дети. Как она может вспоминать то, что было тогда, и бояться повторения тех событий?

Набрав в легкие побольше воздуха, она вышла из вагона и пошла на пересадку. Еще совсем немного, только бы доехать.

Вне вагона она чувствовала себя безопаснее. Не было давящих стен, ничего пугающего. Головой она понимала, что и в поезде с ней ничего не произойдет, но что-то в сознании щелкало вместе со звуком закрывающихся дверей.

Она влилась в поток спешащих людей и попыталась подстроиться под их темп. Но жизнь в маленьком курортном го-

родке, размеренность и нетерпимость к толпам не помогали ей в этом. Она старалась идти быстро, не останавливаться по пустякам, не толкаться с прохожими и просто следовать своему пути. Но как будто, чем больше она старалась, тем чаще ее выбрасывало за борт этого судна.

Дочка легче адаптируется в этом ритме. Часто бесится, когда мать не поспевает или тормозит чтобы что-то рассмотреть.

– Мам! Будешь так плестись, будем походить на туристов, – злилась дочь и брала маму за руку, чтобы заставить ее идти быстрее.

– И что в этом плохого?

– Ух! Просто давай немного активнее, пожалуйста.

А она никогда не любила спешить. Дочка даже гуляет быстрым шагом, и чтобы ее хоть немного притормозить, приходится брать ее под руку и быть для нее своеобразным якорем. Но сейчас, когда потребность выбраться из этого места с каждой минутой все возрастала, она была готова играть по правилам метрополитена.

Быстро-быстро. Ножки в красных босоножках поспевали за другими, хоть и явно протестовали против такого темпа. Но в какой-то момент вопреки здравому смыслу они вдруг остановили движение.

Музыка была ее слабостью, ее жизнью в какой-то степени. Столько лет даровано этому искусству, столько сил, энергии, любви. Возможно, именно поэтому, имея такую тесную

связь, она и заставила ее остановиться посреди метрополи-
тена, позабыв про свой страх.

На четко обозначенном месте у стены играли молодые ре-
бята на музыкальных инструментах. Что-то современное, на-
верное, дочь бы точно узнала мотив. Их исполнение было
далеко не высоким, элитарным искусством, но слушать все
равно приятно. Вот так вот остановиться и вспомнить, как в
ее руках когда-то был аккордеон, и как стояла она с ним на
месте этих ребят.

– Не проходите мимо! Дамочка, дорогая, душенька, помо-
гите бедным студентам музыкантам копеечкой! – Ваня в сво-
ей излюбленной манере приставал к прохожим, держа дыря-
вую фуражку в руках, и заставлял музыкантов смеяться.

Удивительно, как этот дурак вообще к ним привязался,
будучи далеким от какой-либо музыки. Его максимум – это
мимо нот под градусом проорать Цоя. Но он был веселый,
умел расположить к себе, да и дела с его внедрением у груп-
пы пошли лучше.

У них была странная компашка из студентов музыкантов,
которым очень хотелось хоть как-то зарабатывать на своем
творчестве. И единственное, что они придумали – это, ко-
нечно, концерты в метро. Холодно, инструменты расстраи-
вались, милиция то и дело прогоняла, а они все равно воз-
вращались. Такие они эти музыканты.

Она была в их группе настоящей изюминкой. Хрупкая
девчушка, играющая на большом аккордеоне, так еще и во-

калистка. Половина успеха как минимум лежала на ее маленьких плечах.

Это было для них хобби, развлечение, не более. Они хорошо понимали, что больших денег так не заработать. Но московский метрополитен привлекал их своей акустикой, аудиторией, неким уютом, в котором хотелось творить. Именно поэтому они приходили и играли на радость прохожим.

В тот день они тоже выступали. Она была без аккордеона, лишь пела. Будто знала, чем закончится их концерт. Сейчас ей и не вспомнить, что была за песня в тот момент, когда Ванька подбежал к ним, одним рывком надел фуражку на голову и закричал: «Ребята, сматываемся. Танька, беги».

В очередной раз на них положили глаз стражи закона, только вот тогда все было не как обычно. Ваня что-то натворил в тот вечер, но ей не известно до сих пор, что именно. В любом случае это привело к целой погоне по лабиринтам подземного города.

Она бежала со всех ног, стараясь не отставать от ребят. Но двигались они гораздо быстрее нее, поэтому было не удивительно, что в какой-то момент она от них отстала. Глаза метались в разные стороны, стараясь выцепить из окружающей обстановки спасительный знак, но набирающая обороты паника не позволяла ей трезво мыслить. Она услышала топот тяжелых ботинок, но не могла сдвинуться с места, будто приросла к земле. Ее обуял истинный страх.

– Извините, пожалуйста, – чей-то посторонний голос за-

ставил ее вновь вынырнуть из потока воспоминаний. Как же далеко она заплыла, что не заметила юношу, что подошел к ней с шапкой в руках? – Не поможете начинающим перспективным музыкантам? А мы сыграем, что вы захотите.

Она заглянула молодому человеку прямо в глаза. Они были такие еще по-детски наивные и живые, что она невольно улыбнулась и без раздумий вытянула из кармана смятую купюру, при виде на которую парнишка аж засиял. Долго пытался выяснить, что же хочет услышать в их исполнении щедрая слушательница, но она ушла, отмахнувшись. Нет, все-таки это был не Ванька. Нет той наглости, ослепительной улыбки, приставучей манеры поведения. Тот был мастер по сбору зрителей и денег.

«Танюша, смотри на меня, смотри на меня. Все в порядке, думай о хорошем», – и снова этот голос. *«Зачем же ты мучаешь меня?»* – подумала она и посмотрела на указатели направлений. Сейчас она точно знала, куда ей идти, но тогда, слыша тот топот, она была в полной растерянности.

Ее глаза бегали по табличкам, в панике ища что-то знакомое. Но все, о чем она могла думать, – это то, что ее сейчас схватят ни за что.

– Таня, бежим! – откуда-то выскочил Ваня и, схватив ее за руку, поволок за собой.

Она перебирала ножками так быстро, насколько могла. Но Ваня тянул ее за руку, заставляя еще ускориться.

– Я не могу больше бежать. Кажется, ногу подвернула, –

она была готова заплакать, но парень не унимался и продолжал ее тащить. – Стой же! Больно!

Ваня, наконец, остановился. Он злобно взглянул на подругу, а затем посмотрел за нее, чтобы убедиться в преследовании.

Повеяло холодом. Парень посмотрел на пути и увидел приближающийся поезд.

– Слушай, сейчас ты сядешь в вагон, проедешь две остановки и перейдешь на кольцевую, а оттуда на серую ветку. Разберешься? Они за тобой не сядут, честно. Гирзанов и Оля тоже сели до кольцевой, возможно, пересечетесь. Только не паникуй.

Она не успела ничего ответить, потому что поезд уже подошел, и Ваня толкнул ее внутрь вагона, а сам побежал прочь.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Кропоткинская».

Ей нельзя погружаться так глубоко в воспоминания. Ни в коем случае. Еще совсем немного, и она будет в своем номере в отеле. Только бы продержаться. Совсем чуть-чуть.

Откуда вообще пошел этот страх? С чего все началось? Она была такой маленькой, беззащитной в большом городе, всего боялась. Но страх потеряться в метро был первостепенный. Быть здесь с кем-то ей было всегда комфортно. Но вот одной ей становилось не по себе, и черти, спящие внутри, вдруг пробуждались. Лезли наружу все воспоминания,

страхи, переживания.

После того случая в метро много лет назад она больше не летала в самолетах, избегала лифтов, предпочитала машину или такси любому общественному транспорту. Столько лет она бежала от этого страха, от этих чувств, что теперь, вновь столкнувшись с этим, она ощущала себя девочкой девятнадцати лет, которой жутко боязно среди незнакомых людей в закрытом вагоне.

Она точно помнит, как ей заложило уши, как стук сердца отдавался ударами в голове. Ее дыхание стало учащенным, а в глазах помутнело. Все плыло, и она не могла стоять на месте. Кто-то невидимый схватил ее за горло и перекрыл весь кислород. Дрожащими руками она ухватилась за поручень. Всем своим видом она пыталась показать окружающим, что все с ней в порядке. Но это было не так. По щелчку пальцев ей будто выключили звук, и теперь она не слышала даже ударов сердца. Руки покрылись маленькими иголочками, и она, отпустив поручень, села прямо на пол. Нет, просить помощи она не хотела. Никто не должен знать, что ей плохо, страшно, невыносимо боязно. Струйка холодного пота покатилась по спине, и она вновь услышала топот. Топ-топ. Топ-топ. Так громко, что ей хотелось закрыть руками уши.

Кто-то коснулся ее плеча, но она замахала руками, прося отойти от нее. Нет. Ей не нужна была помощь. Это пройдет. Просто страх. Она справится.

Но по всем признакам ситуация только выходила из-под

контроля. Она мотала головой из стороны в сторону, глотала ртом воздух, но не чувствовала кислородного насыщения. А топот все звучал в ее голове. И в какой-то момент она даже почти поверила, что все еще посреди коридора перед указателями, и Ваня не сажал ее в вагон.

Две остановки тогда длились целую вечность. И когда двери открылись, и чьи-то руки буквально вынесли ее из вагона, она была почти без сознания. В голове она стояла посреди коридора и смотрела на указатели, будучи не в силах пошевелиться. А где-то вдалеке слышался топот тяжелых ботинок.

Больше такого с ней не было никогда за тридцать лет. Но страх повторения той ситуации жил в ней по сей день. Она вспомнила о нем пару лет назад, когда попала в больницу с гипертонией. Тогда в кабинете на работе она впервые за столько лет потеряла контроль и почувствовала себя беспомощной. В тот день и вспомнился главный страх молодости вновь.

Она зашла в вагон и прошла вглубь, чтобы взяться за свободный поручень. Всего несколько остановок, и она будет в безопасности. Что может случиться? Это всего лишь метро. Всего лишь метро...

Двери закрылись. Сердце чуть ускорило ритм. Нельзя поддаваться панике, иначе может снова подскочить давление, а тут никто ей не поможет. Кому она сдалась и ее проблемы? Она постаралась отвлечься, глядя на рекламу на ма-

леньком экране в вагоне, но мысли не желали уходить из головы.

Она огляделась по сторонам. Это совершенно не похоже на ту ситуацию много лет назад. Тогда ею завладел страх. Теперь же она не даст ему контроль над собой. Она давно взрослая женщина, ей нельзя быть слабой, нельзя поддаваться панике на ровном месте.

«Ты сильная. Знаешь же, Тань?» – снова этот голос из прошлого, но на этот раз он говорил то, что помогало ей держать себя в руках.

«Маленькая наша, ты в безопасности. В полной безопасности, я обещаю тебе. Ты же чувствуешь тепло от моих рук?»

Голос принадлежал ее подруге Оле, теперь она вспомнила. Почему-то они с ребятами не уехали на другую станцию, будто зная, что она приедет на следующем поезде.

Гирзанов помог мужчине, который вытащил ее из вагона, посадить ее на скамейку, а Оля старалась достучаться до потерянного в страхе сознания подруги. Ее слова, руки, забота и поддержка возвратили ее назад и успокоили. Топот ушел, а вместе с ним и страх. Теперь перед глазами были друзья, и это действительно помогало ей чувствовать себя в безопасности.

Как же сейчас не хватало теплых рук Оли, ее слов поддержки. Теперь ее никто не ждал на следующей станции. Ей через все нужно проходить одной.

Но у нее все еще была дочь. Вот только она была не здесь.

Воздуха стало значительно меньше в вагоне. Загудела голова, и она чуть пошатнулась, крепче хватаясь за поручень. Страх пошел в наступление, но она сдаваться не собиралась. Не в этот раз.

Нужно было позвонить, написать, да что угодно! Она почувствовала в тот момент, что без родного человека в этой ситуации вряд ли справится. Но руки ее так тряслись, а глаза отказывались видеть четкую картинку, что она просто не могла даже держать в руках телефон.

«Видишь, мы всегда тебе поможем. Не бойся», – слова Оли заставили ее сделать над собой усилия и осмотреть людей в вагоне в поисках помощи.

Ей нужно было отдать кому-нибудь телефон, чтобы попросить дочь встретить ее. И наконец, ее взгляд пересекся с какой-то молодой девушкой. Та будто почувствовала что-то неладное, встала со своего места и быстро подошла к ней, чтобы взглянуть в лицо поближе.

– С вами все хорошо? Вам нужно присесть, – девушка ласково попыталась взять ее за руку, но она лишь помотала головой.

Нет, она справится. Ей не нужна помощь. Это все лишь страх. Только страх.

В этом и заключалась ее главная ошибка тогда.

«Не бойся быть слабой, Тань. Отказ от чужой помощи не делает тебя сильнее».

Не отдерни она тогда чужую руку со своего плеча, не откажись она от помощи, возможно, все было бы иначе. Ее бы не выносили буквально на руках из вагона, она не пугала бы так друзей. Может, ей следовало просто обернуться, когда к ней протянулась та рука, кивнуть и дать тому человеку себе помочь. Почему же она так рьяно старается справляться со всем сама?

Она подняла глаза на девушку и протянула ей свою руку. Как только она присела, стало немного легче. Кто-то протянул ей бутылку воды. И уже через несколько минут вокруг нее образовался кружок равнодушных. Кто-то разговаривал с ней, стараясь отвлечь, кто-то махал руками, нагоняя воздуха. Страх отступал, и она даже стала вновь улыбаться. Вернулся здоровый румянец, дыхание нормализовалось.

Поезд подъехал к нужной станции, и она подошла к выходу, поблагодарив всех за помощь. Девушка рвалась проводить ее до выхода, но она отказалась. Все-таки она и так сделала многое. Даже не пришлось тревожить дочку.

Двери вагона открылись. Она вышла из поезда и почувствовала себя свободной от своего страха. На какой-то момент она представила себя вновь девятнадцатилетней, как она сама выходит на «Кропоткинской» и видит своих друзей.

– Вот это Ванька устроил нам забег! И что он натворил? – Гирзанов подошел к ней и обнял. – Хорошо, что ты тут. Мы остались вас ждать, боялись, чтобы вас не поймали.

– Ваня идиот! Больше не будем его звать. Мало ли что

могло произойти, – Оля надула губы и поправила чехол на спине. Ей явно не понравилось бегать с инструментом за спиной.

– Я за тебя переживал, Танюш. Ты все-таки так плохо в метро ориентируешься. Хорошо, что ты в порядке, – парень еще раз крепко обнял ее, а затем поцеловал, будто почувствовав, что в его отсутствие произошло что-то нехорошее.

Все ведь могло быть и так, будь она чуточку умнее в свои девятнадцать. Наконец-то, спустя столько лет она почувствовала освобождение. Наверное, стоило пройти через это вновь, чтобы прийти в нужную точку. Доехать, наконец, до нужной станции.

Она толкнула тяжелую дверь и вышла на улицу, наслаждаясь теплым летним воздухом.

– Мам, ты чего трубку не берешь? Я сейчас буду ехать в отель. У тебя все хорошо? – как всегда громкий и бодрый голос дочери, который не позволял забыть, что ей уже точно не девятнадцать.

– Все в порядке. Подхожу к отелю. Буду ждать тебя, доча.

Она завершила вызов и пошла прочь от метро, отчетливо ощущая, будто только что под землей прошла целая жизнь. И в каком-то смысле это было действительно так. Метрополитен – часть ее истории. Она в ней когда-то заблудилась, остановилась возле указателей. И ей следовало вернуться через тридцать лет, чтобы кто-то подал ей руку и указал путь. И вот она приехала.

Двери, наконец, открылись. Следующая станция...